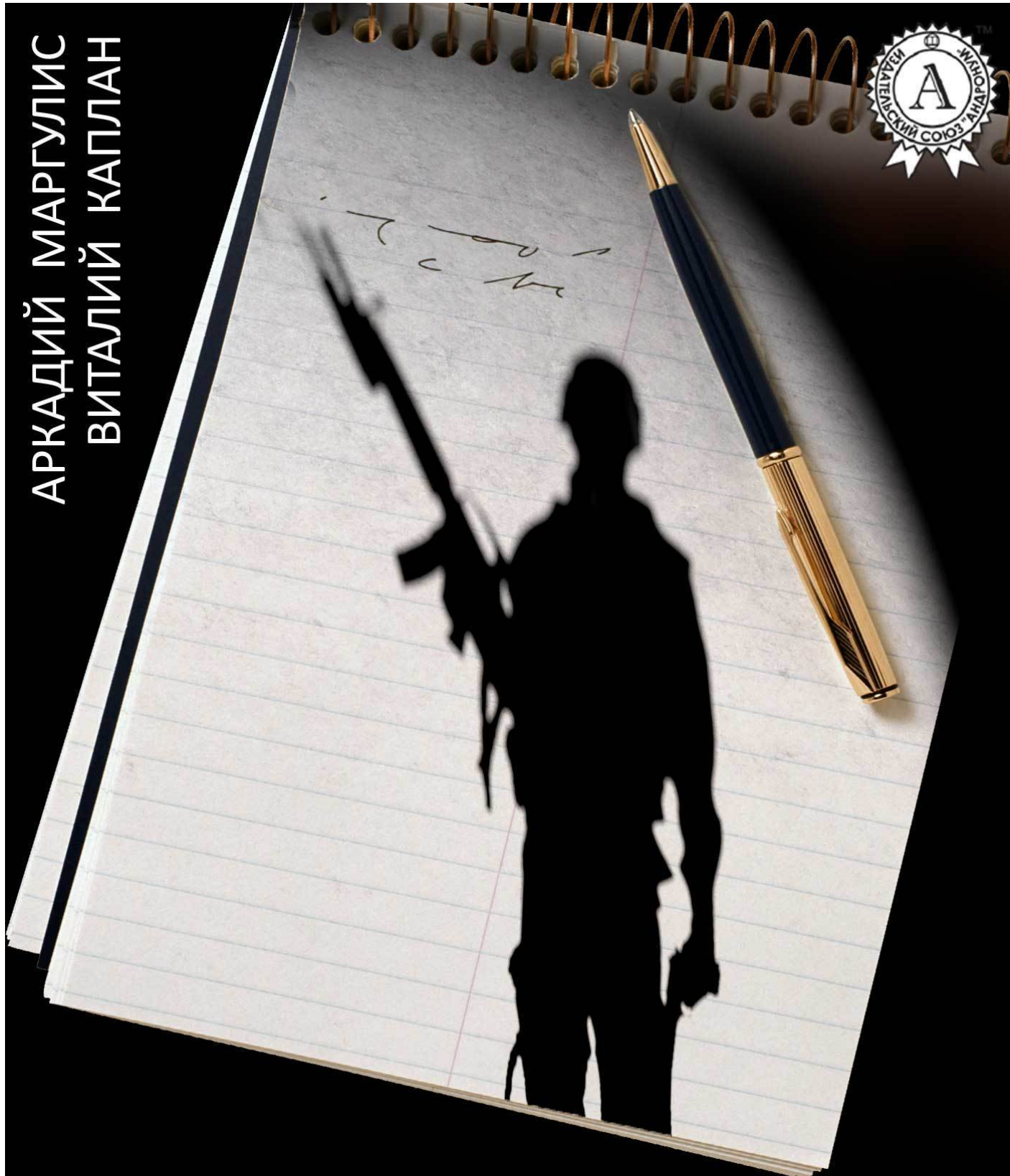

АРКАДИЙ МАРГУЛИС
ВИТАЛИЙ КАПЛАН

ТРАГЕДИЯ ШВАБСКОЙ ФАМИЛИИ

МОЛНИЕНОСНЫЙ СЫЩИК – НАДАВ ТУРМАН

Молниеносный сыщик — Надав Турман

Аркадий Маргулис

Трагедия Швабской фамилии

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Маргулис А.

Трагедия Швабской фамилии / А. Маргулис —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
— (Молниеносный сыщик — Надав Турман)

Ночью в древней Кейсари, в собственном доме, убит из огнестрельного оружия бывший полковник спецподразделения Залман Шваб. Убийца не оставил на месте преступления ни следа, ни зацепки. В последние годы покойный, отойдя от наполненного профессиональными опасностями прошлого, возглавлял процветающий бизнес. Мотивы убийства могли быть также связаны с притязаниями на семейное наследство, однако все родственники убитого имели неоспоримое алиби. Случилось загадочное и громкое на всю страну убийство. Но полковник Надав Турман, общеизвестный в полиции, как асс молниеносных расследований, в течение «семи дней скорби», последовавших после преступления, безошибочно вычисляет, арестовывает и... освобождает убийцу.

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	12
5	14
6	17
7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан

Трагедия Швабской фамилии

1

До заката солнца оставались минуты. Гостиная погружалась в полутьму, обглоданную уличными огнями, и Мааян поспешила зажечь свечи¹ — две наших и две детских. Они облагородили вышитую, от дедов-прадедов, скатерть, пришили к стенам тени и бесконечно размножились в старинном трюмо. Сколько ни наблюдал это, но всякий раз, словно впервые. Неясное движение, отклонившее занавес, коснулось язычков пламени, вынудив их дрогнуть и сместиться по кругу. Свершилось. Я церемонно поздравил жену, и она — меня. Наступил праздник. Сошла светлая царица-суббота². Пусть ниспошлёт Всевышний благоденствие нашему народу на предстоящую неделю.

Праздничную ночь мы, как всегда, провели вместе. Я пробудился рано, но не решался встать. Наступило утро, последнее в устоявшемся укладе — завтра я выйду на пенсию. Мааян подтрунивала надо мной. Твердила — после смерти мамы в моей жизни осталось две женщины: она сама, преданная супруга и полиция, притязательная любовница. Жена останется со мной до конца дней, а с любовницей предстоит расстаться. Я предвкушал свободу и страшился её.

Стараясь не шуметь, сполз с кровати. Благостно позёвывая, отправился в ванную. Привёл себя в порядок. Облачился в торжественный «Армани», аккуратно сложенный в кресло с вечера. Заварил кружку кофе и с ней вышел во двор. Над Кейсарией зарождалась хмарь. Солнце, заждавшись подходящего случая, укуталось подоспевшей тучей. Небо приблизилось, но стало чужим. Неуловимо запахло мятой. Я облюбовал местечко под тентом и позволил пространству течь сквозь себя.

Непостижимая тишина. Город без офисов и крупных торговых центров, без замусоренных промышленных зон, без заторов на дорогах — благолепие, упрямая плоть патриархального анклава. Народ торопливо возвращался из синагоги. Под мышкой наскоро свёрнутый талес³. Кто-то же должен замаливать наши грехи. Каждый волен поступать по-своему. Одни приветствовали меня кивком, другие притворялись, или впрямь не замечали, увлечённые разговором. Слыхивал я их беседы, кто и сколько пожертвовал на богоугодные цели. Пусть себе, всё равно никто не проверит. Да и не нужно. Хорошее человек совершает ради себя.

Наша семья из поколения в поколение владела скромной страховой компанией. Меня же с детства влекли детективные истории, до дрожи обожал раскопки криминальных заголовков. Всё в памяти.

Вблизи гроыхнуло — Швабы, соседи, тоже проснулись. В окне мелькнуло широкое лицо Залмана, побитое солнцем и войнами. Серьёзный мужчина, такому под настроение лучше не попадаться. Полвека назад Арон Шваб, дед Залмана срубил в Омере под Беер-Шевой дом — такой грубый, что можно было посадить занозу, только взглянув на него. Вилла его потомков, походившая скорее на дворцовый комплекс, разместилась в одном из престижнейших уголков Кейсарии. Райское место. В пятистах шагах море, рядом, за изгородью, эвкалиптовая роща. Никакой экстравагантной мишуры — строгие линии оконных обрамлений из светлого камня, просторная веранда на верхнем этаже между колоннами и несимметричным фасадом. Большая гостиная, столовая с кухней, оздоровительный блок, шесть вместительных спален, в придачу игровой зал с гардеробной, легко преображавшийся

в дополнительные комнаты, и великое множество подсобных помещений. Излишество, но со вкусом.

Боковая дверь распахнулась, оттуда вихрем вылетел взбешенный Залман. Опять почтенные Швабы поцапались за наследство. Старый лев ещё жив, а они как с цепи сорвались. Прознав, что на пенсии я займусь досудебным урегулированием конфликтов, пожаловали ко мне. Житейское дело. Папа Бенцион в последнее время передвигался с трудом. Мучительно даже с посторонней помощью — чаще всего Далии, младшей дочери, и опасение, что властный старикан дотянет с завещанием до своего последнего часа, наверняка, тяготило наследников. Упаси Бог, преставится, не успев оформить. Так выглядела ситуация. Говорить со старым Швабом о судьбе наследства я отказался напрочь — себе дороже, но дети росли у меня на глазах и вместе со мной, видеть их в неприглядном свете казалось несносным, так что пришлось согласиться.

У нас в стране обращение в суд сродни выносу напоказ заношенного белья и омрачило бы жизнь известной в Израиле фамилии. Залман, хитрый лис, знал, что соглашусь, и тут же подsunул договор. Я, как нейтральный посредник, брался за разработку решений, отвечающих интересам сторон. Швабы обещали следовать моим советам при заключении соглашений.

Залман пару лет назад уволился из службы государственной безопасности. На нём, честно сказать, держался семейный бизнес. К тому же, он полагал, что ему, как старшему, причитается львиная доля. Ещё в Украине так вершилось у старого Арона — первенцу доставалось всё. Но он, Залман, настолько любил брата и сестру, что намеревался пожаловать им целую половину. Осторожный Марк высказывался, что перебирать варианты бессмысленно, ведь законы о наследстве в стране сильны, но своего, конечно, упускать не хотел. Далия старалась избегать трудных разговоров, целиком полагаясь на решение отца, каким бы оно ни оказалось. Про себя же, наверное, надеялась на родительскую благодарность. Бедняжку Дану, дочь покойной Дины, старшей сестры, во внимание вообще не принимали.

Завтра я окончательно сдам дела Изи Ману, дышавшему мне в затылок в течение года. В свои пятьдесят лет подполковник выглядел самонадеянным юнцом, возомнившим себя ясновидцем. Его нынешним амбициям отвечала моя должность. Наверное, представлялась ему обязательной ступенькой в карьерной лестнице. Завтра всё останется позади — внутренние склоки, скучная речь командира округа, скромный стол с виноградным соком, бамбой⁴ и бурекасами⁵. Ах да, подарок за долгую и плодоносную службу — именные часы. И память, о ней уже говорил.

Бархатисто заурчал двигатель Залманова «Мерседеса». Сразу рвануть с места мешала стартовая заминка компьютера. И пусть до момента, когда стрелка тахометра метнётся вправо, пройдёт меньше секунды, сразу придётся пожалеть об отсутствии третьей педали. Следом мотор хватнул тон с «низов» — взревел, как нищий, выигравший в лотерею, и Мерседес взлетел над асфальтом, вздрагивая мощным корпусом, точно аэробус среди воздушных ям.

Сверкнуло и снова ударило. Теперь с небес. Дождь, справедливая примета уголовников, остудит пыл свидетелей и уничтожит следы. Словно наяву представилось, как глаза Залмана метали молнии навстречу небесным. Дворники на лобовом стекле не успевали сталкивать низвергаемую ненастьем воду. Наверное, небо в голове Шваба перевернулось с ног на голову и обратно. Джип, пугая пространство, мелькнул и исчез в тропическом ливне.

В непогоду лучше сидеть у камина, и мне померещилось, что Залман скоро вернётся. Я мог оказаться прав — рёв двигателя послышался снова. Судя по тону, машина шла на большой скорости.

2

Блеснули фары, показался облепленный ливнем пикап, бежевая «Тойота». Она вызывающе соперничала с великолепным Гелендвагеном Залмана. Оба, японка и немец, непримирумы к бездорожью, выносливы и дерзки. Оба настолько уверены в себе, что многие годы оставались утилитарными моделями. Но я опростоволосился, Залманом здесь и не пахло.

Дождь прекратился внезапно, как и начался. И, слава Богу. Я, как говорится, протёр глаза, но это был не мираж. Из «Тойоты», блистая улыбкой, выскочила Даночка Битон. Фантастика! Внучка старого Бенциона почтила присутствием фамильное прибежище!

— Детка... Даночка! — не скрывая чувств, закричал я, торопясь к машине.

В нимбе радуги она выглядела потрясающе. Джинсы-скинни — как возможно без них! Белая в обтяжку футболка. Волосы, разделённые на две симметричные половины, обрамляя лоб, ниспадали на плечи. Природная блондинка, потрясающее сочетание — глаза. Они, огромные, голубые, ни намёка на серый отлив, залихватски блестели.

Я раскрыл объятия и она, восхитительно взвизгнув, повисла на моей шее.

— Дядя Надав... Наконец-то! Так рада видеть тебя!

— Взаимно, моя девочка. Какими судьбами?

Она наклонилась к моему уху и прошептала:

— Взгляни на минуточку... У меня новый мальчик...

— Вот оно что. Познакомишь?

— Без проблем... Как раз поэтому мы здесь. Познакомлю его со всеми... Томер! Надо же! Он до сих пор в машине... Томер! — крикнула она, помахав ладошкой, — а ведь знаешь, я пошла по твоим стопам.

— Неужто поступила? Что учишь?

— Ничего сверхестественного...

— Значит, криминологию в Хайфском университете?

— Вот именно. Точно в цель.

Из кабины Тойоты показалась спина мужчины. Он доставал поклажу.

— Предполагаешь остаться подольше? — спросил я.

— На зимние каникулы... Если не разругаемся...

— Понимаю... Швабы, — сокрушённо развёл я руки, — вы случайно Залмана на дороге не встретили?

— Такой дождище, дядя Надав... Вроде, пролетел кто-то.

— Именно, пролетел. Выскочил, как бешеный гризли, и по газам!

— С него станется, — глаза девушки потемнели. Мужчина возле пикапа наконец-то справился. Выставил на тротуар багаж.

Меня интересовало всё, что касалось Даны. Знал девоньку с младенчества. И так, у неё новый мальчик. Ничего выдающегося. «Пляжный костюм» — каскетка «Найк» с прямым козырьком, белые шорты под футболкой с короткими рукавами, мускулистые руки. Лет тридцати, не меньше. Высокий, худой, атлетичный. Лицо узкое, вытянутое к носу. Кожа смуглая, почти чёрная, парень вполне тянул на марокканца. То-то оскалятся Швабы. Нарочитая, если не врождённая неряшливость, нравилась восторженным девочкам, но не их близким.

Гость дёрнул плечом, забросив на спину сумку, и выпрямился. Именно в этом движении я его узнал. Он меня тоже, судя по изумлённому лицу. Мы стали сходиться одновременно, как два бретера по отмашке секунданта.

— Ого, да вы знакомы! — воскликнула Дана со странной интонацией, замешанной на недоверии.

Мы остановились, непринуждённо разглядывая друг друга. И я спросил, хотя многое и без того было ясно:

— Значит... чуда не произошло?

3

В Израиле скоротечность времени ощущается явственней, чем где-либо. Даже давнишние события помнятся так, будто случились пару дней назад или вовсе вчера. Ума не приложу, где отыскать объяснение этому феномену.

Года четыре назад Ури Фридман, старинный приятель из Управления⁶, к тому времени пенсионер, пригласил меня в рыболовный рейд. Ясно, не впервые, но всё же после длительного перерыва. Срочность похода подсказывала, что Ури внезапно понадобилось моя помощь в какой-то затее. Никогда в таких случаях не отказывал. Друзья для того и существовали, чтобы вспомнить о них в трудную минуту. По количеству одолжений у нас с Ури сложился паритет. Если удастся помочь, настанет его черёд быть обязанным. Иметь должником такого человека подобно хранению драгоценностей в швейцарском банке. В любой момент выручит.

Наступал исход субботы. Выслушав наставления Мааян, впрочем, вполне обоснованные, я отправился в Яффо. Субботние пробки уже начинали раздражать водителей, но шанс добраться засветло подгонял. Телефонный звонок Фридмана усугубил ситуацию, Ури просил прикупить на заправке десятков пакетов льда. Без него не обойтись, если хочешь сохранить улов.

Из окраины города на трассу я выехал без приключений. Развилку в Натании миновал с сотней на спидометре, но за Вингейтом застрял в пробке. Эфир источал банальность. В вечерних выпусках мусолили новости об аномальной жаре, свирепой безработице и кровавом терроре, возобновившем ненасытный отсчёт. Уточняли раздел вселенной на две неравноценные доли. Меньшую составляли евреи, гигантскую вторую — гои⁷. Сетовали на вопиющую несправедливость, когда в любых проблемах винили евреев. Даже за вынужденное противостояние арабскому террору. Я выключил радио. Любому ясно — когда остынет солнце, исчезнут все, и евреи, и неевреи.

Великодушно умирал закат. Было хорошо от мысли о предстоящей одиссее и вообще от жизни. На въезде в Яффский порт оживала автомобильная сутолока, её на исходе субботы создавала многолюдная суeta вдоль набережной. В город можно было попасть по верхней дороге. Она извивалась за стеной, но въезд в порт с той стороны, как всегда, оказался закрыт. Поехал нижней, извивающейся мимо пакгаузов к причалам. С правой стороны парапета таилось заветное местечко, в молодости я приводил сюда подружек. Глаза в глаза, молча, в томлении, обласканном вечерним бризом, слушать старческое ворчание прибоя. Девочки млели и становились податливыми.

Море, разнеженное после зноя, не обнаруживало признаков жизни. Лодку Ури Фридмана я отыскал в южной части порта, у солидного, даже по щедрым меркам не дешёвого пирса. Большинство лодок швартовались, где подешевле, ведь платить за удобный уголок многим рыбакам не по карману. Ури сидел на палубе, свесив босые ноги за борт, задумчиво посасывая короткую трубку. Всё такой же брутальный кряж, с наметившейся на макушке лысиной. Вызывающе рыжий, никак не тусклее апельсина. Мы кивнули друг другу, будто расстались час назад. Обоюдная привычка, не помню, с чего она началась. Понимаем один другого без слов.

Прогулочный катер, «лодка Фридмана», приспособленный для рыбного промысла, сильно отличался от собратьев, потирающих друг другу борта у портовых причалов. Ухоженная, десяти метров длины посуда с низкой, идеальной для лова палубой, в носовой части имела надстройку, кубрик, способный защитить экипаж от штормовых напастей. Внутри, на широких скамьях-лежанках, валялось барахло — зюйдвестки, накидки, армей-

ские спальники. Шмотьё при случае служило постелью. У Фридмана случаи, несомненно, бывали. Наконец, в надстройке, гордо именуемой «капитанской каютой», могли устроиться несколько человек в полный рост. Неизвестно почему — у Фридмана не допытаться — судно именовалось «Восток-Ориент».

— Мы кого-то ждём? — спросил я капитана.

— Можно сказать... — ответил Ури, осматриваясь.

Вдоль пирса, хихикая, бежал филиппинец Эрвин, портовый дурачок, законченный наркоман. Тряс в баночке из-под хумуса горстку риса, раздобытого на ужин. Помахав нам рукой, покричав «Томер! Томер!», помчался к пустующему ангару. Все в порту знали — у него в опрокинутой бочке под стеной королевский ночлег. Никто не помнил, каким ветром занесло его в страну. По слухам, за ним неотступно брела чья-нибудь удача. Считалось добрым знаком повстречать его перед выходом в море.

Дверь «каюты» открылась.

— Знакомься. Это Томер. Будет в экипаже третьим, — сказал Ури, — он, правда, новичок, но в море держится молодцом. Увидишь, настоящий морской бродяга.

Худой, высокий и крепкий Томер пришёлся мне по душе. Сразу видно — скальной породы.

Он без слов подал руку.

— Слышишь, Надав, у парня неприятности, нужна помощь. Именно твоя. Возьмёшься?

— Друг мой Фрид, начинать знакомство с проблем, а рыбалку с геморроя не комильфо. Выйдем в море, наловим рыбки, примем трудовую каплю, тогда и поговорим. Уверю, всё будет о-кей. Ты меня знаешь.

— Как облупленного. В некоторых вещах ты — фанат. Даже маньяк. Только не становись прокурором — взгляни на проблему глазами парня... Кстати, рыбнадзор пару месяцев назад закрыл ловлю. Ждали, пока рыба подрастёт. Срок вышел вчера, даст Бог, будем с уловом...

Выйти в море удавалось редко, но всякий раз я восхищался романтикой глубоководной рыбалки. Без сноровки, терпения и множества нажитых хитростей предприятие обречено.

Отчаливать лучше к ночи. Локус⁸ не терпит солнца, уходит поглубже, где темно и прохладно. Рыбина устроена особым образом — стоит ей хапнуть воздуха, и раздутый пузырь внутри не позволит уйти в глубину. Выведешь зверюгу на поверхность — можешь расслабиться, будет дрейфовать, пока не затащишь в лодку.

Дальше пошло, как обычно. Фридман запустил двигатель на прогрев. Мы с Томером, отвязав швартовые, следили, чтобы катер не примял соседям борта. Наконец, отвалили и пошлёпали на малом ходу по бухте, укрытой от моря бетонным валом. Лишь миновав портовую границу, каменную гряду в пене и брызгах прибоя, помчались на полных оборотах. Берег толчками удалялся от кормы.

Ури похвастал новым навигатором, и мы вежливо поцокали языками.

— То-то и оно... Выбрать координаты... Так, сынки... Есть в моём меню полоса, сорок метров под килем, туда и побежим... Рыбу хоть руками вытаскивай...

У каждого рыбака на примете свои хлебные залежи. И прелесть как раз в том, что у всех одни и те же. Но морю от этого ни сухо, ни сыро.

Остановившись, зажгли на буйке лампу, поставили на воду. Начало пути, сюда вернёмся поднимать снасть. Дальше двинулись вдоль береговых огней на самом малом. Толстая леса, с неё свисали унизанные наживкой⁹ крючки, уходила под воду, влекомая грузилами. Сначала огонёк буя приплясывал на близкой волне, но по мере того, как мы отплывали дальше, проблескивал слабее, пока не исчез. Когда расстояние до него по прибору составило

около мили, обозначили конец снасти второй лампой и помчались к началу. Навигатор без-
ошибочно вывел к буйку, радостно суетившемуся на волне.

Взялись за лесу. Эта работа стоила улова. Выбирать снасть и складывать, чтобы не
запуталась, освобождать крючки — несъеденную, уже негодную наживу отдать морю. Обла-
дая сноровкой, за ночь можно сверстать три-четыре ходки.

Фридман сонно посасывал трубку. Ящики с уловом и льдом стянули к каюте. Поутру
потихоньку зайдем в порт, пришвартуемся. Бывший начальник аналитического отдела
Управления Ури Фридман превратится в торговца. Балагурия, взвесит добычу, сбудет с борта,
как подобает рыбаку, выкормышу моря. Рыбку расхватают по нужной цене. Но даже, если
случится невероятное — народ забудет дорогу к причалам, улов достанется портовому
ресторану.

Мы с Фридманом подались в каюту, Томер остался на палубе. Не захотел расслабиться.
Угрюмо всматривался во тьму.

Ветер разъярял волны, и, закипая, они огрызались, пробуя борт на прочность. Вдали,
как сияющие грозди раскачивались электрические зарева, между ними вспыхивали одино-
кие огни и недосыгаемо высоко подмигивали звёзды. Перезрелая луна роняла на воду шлейф
серебра, соединяющий миры. Казалось, по нему, как посуху, можно выбраться на берег.

— Обманка... Шторма не будет... Хотя дует сильнее... — сказал Ури, отпирая сейф.
Вытащил запечатанную бутылку и пару миниатюрных стаканят. Звякнув, они мутно прояс-
нились на свету.

— Ты специалист, тебе лучше знать, — согласился я.

— Двадцатилетний «Арманьяк¹⁰»! — объяснил Фридман. Ничто так не умиротворяет
душу, как бальзам, присыпанный крупичками солнца. Размывает проклятую желчь... Всё
остальное — бурда!

Куда его потащило! Состарился, что ли! Я хотел возразить, намекнуть, что у меня дру-
гой распорядок, но сквозь потолок стены, и двери в уши ударил вопль. От неожиданности
Ури Фридман развернулся. Жалко звякнули, расколовшись, стаканы, и мы, мешая друг другу
в узком створе двери, выскочили наружу.

4

Кричать мог только Томер. Ещё бы! Никого, кроме него, на палубе не было. Да и не могло быть. Для него, наверное, тоже никого не существовало — я увидел, как он, вскинул руки, потрясая кулаками под фонарём, услышал, как закричал протяжно и мощно:

— Ли-и-н-да-а!

В его зове билась боль, столько боли, гнева и страсти, что они, слившись, заглушили шум моря.

— Ли-н-да! — крик вдруг оборвался, скомкался, как кровельная жесть под натиском урагана. Рассыпался, сначала взлетев до отметки «Зелёных ботинок»¹¹, затем скатившись на дно Мёртвого моря¹². Насыщенный обертонами вопль заметался болезненным эхом, пока неожиданно не прервался всхлипом.

Я растерялся, не зная, что делать. Посмотрел на Ури, он пожал плечами. Таил что-то старый лис и выглядел так, будто происходящее его не касалось — кричит себе человек, и пусть кричит, имеет право.

Мне показалось, Томеру не справиться в одиночку.

— Линда, Линда, — причитал он, хрипя, будто впервые глотнул новомодного «Туби»¹³. Затих, наклонился за борт, всматриваясь, как если бы уронил в воду наследственный амулет.

— Линда... — было невыносимо слушать.

Я подобрался поближе и положил ладонь ему на плечо. Он вздрогнул, сбросил мою руку и посмотрел с болезненной растерянностью, словно забыв о цели нашей встречи:

— Нет! Оставь! Теперь мой черёд!

Я почувствовал его состояние, скорее всего, близкое к бреду. Казалось, его мысли путались, мутилось сознание. Стало ещё тоскливей, и я заторопился. Залопотал бессвязно, но не лукавя:

— Погоди... Почему — нет... Жизнь... И смерть... Кто знает — когда, как... Кто окажется первым... Попросит у Него за другого...

Томер, тяжело вздохнув, выпрямился. Сжал уголки рта, посмотрел с гримасой — мне показалось, недоверия или ожидания насмешки. Не дождался. Очнулся. Взгляд прояснился и потеплел.

— Что-то нашло... Не справился... Прости, Надав, — попросил он.

Я понимал — так и бывает. В состоянии аффекта человек готов натворить что угодно. Даже лишить себя жизни. Потом и пожалеть не сумеет. Слава Богу, обошлось, и, чтобы закрепить успех, я протянул ему пачку «Парламента».

— Суперлёгкие, — ухмыльнулся он, — бережёшь здоровье?

Мы облегчённо задыхались. Я ответил, как можно осторожнее, и угадал:

— Не всегда... Есть два момента, когда не курить преступление — в кровати после хорошего секса... ну, и на лодке в полнолуние...

Он будто взвился. Черты лица преобразились, как если бы на глазах вживую подтвердилось пророчество:

— Ты не представляешь, насколько ты прав... У неё тоже оказалось... без выбора, — ответил Томер, будто возвращаясь к предыдущей теме, — у Линды... Надав... Ты когда-нибудь заходил к проститутке?

От неожиданности я поперхнулся дымом и, откашливаясь, лихорадочно соображал, что ответить незнакомому человеку на такой вопрос. Бросил наобум и снова угодил в цель:

— У нас толпы приезжих из бывшего Союза¹³. Как сохранить добродетель?

Томера словно прорвало:

— Думаешь, они по своей воле несчастны? — он безнадежно махнул рукой, — миллионы людей оказались на грани... Мы не в силах представить себе, что там творилось...

— То, что сейчас в Палестинской Автономии...

— Оставь! Этим захребетникам все ташут по горло... Даже мы... А тех всего лишили. Надав... Её звали Линда... В своей стране, позабытой Всевышним! Сорок долларов за месяц работы! Как прокормить младенца, стариков, себя и неудачника мужа? В проектной институте его не научили воровать! Влип на первой же сделке!

Она нашла объявление в газете... Работа по уходу за пожилыми... У богачей... Не сомневалась ни секунды... Израиль всё-таки... И зарплата — тысяча долларов... За год можно обеспечить семью. А если нет — ждаться нечего, сходи с ума! Решилась. Посредники оплатили самолёт. Через два дня улетела в Москву. Оттуда в Каир, в Шарм-а-Шейх. Не представляла, что там открылись ворота в ад... Сутки её с другими девушками везли в фургонах без воды и пищи. Выгрузили в пустыне. Среди бедуинского стойбища. Пересчитали. Старший объявил, что им повезло, что они предназначены в публичные дома Тель-Авива! Затеялся переполох. Линда сорвалась бежать, — кадык Томера сделал трудное движение вверх-вниз.

Я предложил сигарету, он отказался, мотнув головой.

— Её поймали, избili, а вечером хором насиловали у всех на глазах. Очнулась в палатке. Между ног кровь. Хотела умереть, не верила, что это произошло с ней... С девочкой из молдавского городка... Пустыня, бедуины в масках, автоматы. Девушкам дали отлежаться и погрузили на верблюдов... накрыли войлоком. Удовольствие, будто топят в болоте со связанными руками-ногами. Восемь часов на верблюдах! Затем пересчитали и велели идти за проводником. Гуськом, нога в ногу. Ни влево, ни вправо... То бегом, то ползком, то не двигаться. То не дышать, зарывшись головой в песок... Одной, что приподняла голову, двинули прикладом по затылку. Чуть не убили. Слышишь, Надав... Ночью в пустыне песок ледяной... Запросто получить ожог... Знаешь?

Кивнул, хотя ничего подобного не слышал. Томер прикусил губу, словно раздумывая, стоит ли продолжать. Я молчал, ждал продолжения. Подумал: «Пусть выскажется — полегчает».

— Добрались до заграждения... Бедуины плётками погнали на проволоку. Заставили перелезть. Изранились. Платье у Линды пошло на лохмотья, осталась в трусиках... Не меняла со дня вылета. Эх ты ж... Мечта о сытости! Уже в Израиле, девушки выплакались вволю, согласившись, что ещё повезло. Переход границы мог вылиться в две недели, всё зависело от опыта контрабандистов и расторопности пограничников...

Яркий свет, вспыхнув, обшарил палубу и ослепил. Томер замолчал, потянувшись рукой к поясу. «Армия...» — подумал я.

— Пограничники... Береговая охрана... — успокоил нас Фридман и заглушил двигатель. Проверят документы и отпустят... Может быть, без проволочек...

В луче прожектора угадывались контуры сторожевого катера, подошедшего к нам. Ури развернул и поднял к лучу морское удостоверение.

Ночь, пять миль берега, пустота без пределов. Делай с нами что вздумается — никто не узнает. Мало ли кому и чем захочется промышлять в море! Яркой представилась неуправляемая лодка, швыряемая волнами... брызги крови, трупы на палубе... Мне стало жутко и мутно. Горько и не по себе.

5

Око прожектора сместилось и погасло. Глазам стало вольготней. Силуэт сторожевого катера растаял — ни воздух, ни вода не сохранили следов. Море берегло свои тайны.

Ури Фридман навис над движком.

— Похоже, приплыли, — проворчал он, — что-то не заводится... надо повозиться...

Перспектива дожидаться буксира мне не понравилась.

— Фрид, ты обещал, что будем свободны на все четыре стороны... Возможны другие варианты? — съехидничал я.

Фридман пропыхтел что-то в ответ. Томер пошевелился и прикипел ко мне взглядом. Что скрывать, его история не порадовала. Вероятно, я выглядел подходяще, и он снова привлёк моё внимание:

— С другой стороны границы подкатили джипы. Не остановились. Женщин заставили влезать на ходу. Сверху затянули брезентом. Три часа в кузове... В удушье... Так Линда оказалась в Тель-Авиве. У нас! Как там в декларации независимости прописано: еврейское демократическое государство... У нас! — вскричал Томер, голос его дребезжал, как провисшая струна, — без документов, в конуре без окон, с запертой дверью. Набросилась на еду — впервые дали поесть... Клялась: если бы знала, что будет потом, перегрызла бы себе вены. Затем появились перекупщики. Заставили раздеться догола, мерзко осматривали. Ощупывали интимные места, зубы. Велели пройтись, а потом наклониться... Разглядывали в упор, сидя на стульях...

Томер прервал рассказ, потянулся за сигаретой. Вдохнул и сокрушённо саданул ладонью по рейлингу:

— Невольничий рынок... Рабыни... Представь, в наши дни... Она обмочилась от ужаса. Избили и заставили подтереть своей одеждой. И станцевать напоследок! Твою... Вообрази! Как думаешь, зачем? Зачем так издеваться...

Я знал — зачем. Чтобы добиться от человека беспрекословного повиновения. Чтобы сломать. Но промолчал. Он с дрожью затянулся и порывисто выдохнул. Ветер мгновенно угнал дым. Сигарета в его пальцах обожгла воздух, на глазах превращаясь в пепел. Он швырнул в море окурочек.

— Клиенты хотели свежего мяса. Женщин тосовали между борделями, меняли, чтобы «товар» не приедлся. Цена рабыни поднималась до десяти тысяч баксов. Линду за пять выторговал Хасан-Бек, горский еврей из Дербента. Увёз в другую квартиру и ночь учил, как ублажать клиента...

— Хочешь, расскажу, что было потом? — остановил я Томера, повинуюсь сиюминутному чувству. Он осторожно посмотрел на меня. Деваться было некуда, если начал.

— Наверняка, Ури предупредил тебя, — сказал я как можно твёрже, — я полицейский... И узнав о преступлении, должен сообщить, куда нужно. Проституция не мой конёк, но я знаю... Когда женщину ввозят в страну, стоимость проезда и «покупки» объявляют долгом. Бедолага должна работать бесплатно, пока не погасит долг. Большинство девушек возвращает деньги за месяц. Так?

— Линда вернула в первую же неделю. Проклятье! На неё возник сумасшедший спрос, — с горечью ответил Томер.

— Фишка в том, что её сделали вечной должницей. Учужали поживу. Так водится. Либо из-за невероятных процентов, либо из-за штрафов за мнимые прегрешения. Продажа другому сутенёру городит новый долг. Не успела расплатиться — снова продают.

— У Линды отобрали документы, — напомнил Томер, так и сжавшись в каменный ком.

Я почувствовал неладное, всучил ему сигарету и кинулся в каюту. Меня подгоняла солидарность. Плеснул в два стакана, подсыпал льда и поспешил обратно. Томер справился с «Арманьяком» в три рваных глотка. Благодарно боднул головой мне в плечо. Значит, проняло, полегчало. Он шумно вздохнул.

— Сутенёр твердил, что клиенты не любят плаксивых. Что из-за неё теряются большие деньги. Но каждый раз мерзавец приходил и насиловал. Подонку нравилось, как она стонет от боли, и главное, что ещё чувствует боль. Издевался: «Всегда буду последним, сколько бы клиентов ты не обслужила». Когда у неё появился я, чуть не погубил в первую же встречу...

Ветер сносил слова. Я придвинулся поближе, и Томер, оценив моё намерение, заговорил внятнее и громче.

— В тот вечер я разругался со своей подружкой. Домой возвращаться не хотелось. Решил переночевать в гостинице. Портье поинтересовался, не желаю ли развлечься. Я отказался. Тогда он стал не на шутку фамильярен: «Девочка придёт — что надо! Запердолишь ей, как следует... Будет хорошо». Чтобы отвязаться я принял визитку — «Пусикет и Ко». Уже в номере подумал: «Почему бы и нет?» Позвонил в контору, пофантазировал: «Блондинку с карими глазами и вот такими сиськами...» Но к тому времени, как она, Линда, пришла, успел передумать. Что-то в душе переменялось. Я велел ей возвращаться. Она разрыдалась и, жестикулируя, на ломаном иврите возразила — сутенёр наложит штраф... обвинит, что не угодила клиенту. Я, идиот, был великодушен и пообещал всё уладить. Она поверила. Выпроводил и позвонил в контору. Попросил, чтобы девушку по имени Линда не обижали. По-хорошему попросил. Уважительно. По-братски. Мне клятвенно обещали, я не учуял насмешки. Позже Линда призналась, что откровенность обошлась ей в две тысячи долларов. Две тысячи зелёных! День её проклятой службы! Если бы ты её видел, Надав... Разговаривать мы не могли, она не знала языка, мы жили в образах. Закрывали глаза, прижимались друг к дружке... Нырjali и... попадали в рай. Она оказалась для меня единственной женщиной...

Я набрался мужества возразить. Это напоминало пощёчину врача при истерике и помогло бы встряхнуть:

— Как будто у неё было что-то, чего нет у других. Правда, Томер?

Мне было показалось, что переборщил, но он не обиделся и, видно, подыскивая слова, ответил:

— Ты вправе думать, что угодно. Твоё дело. Линда действительно устроена иначе. Она раскрывалась жертвенно, как жемчужная раковина... всё ближе и ближе, будто выворачивалась наизнанку... всей душой ради меня... от рождения до смерти. Никогда раньше не испытывал подобного. Никогда. Слышишь, ведь женщин у меня хватало... Однажды спросил её, почему бы ей не сбежать...

Я снова вмешался:

— Наверное, ответила словами сутенёра — полиция изловит и вернёт в бордель.

Томер согласился:

— Верно. Но потом девушку продадут арабам в Газу, откуда никто не возвращался. Я часто заказывал Линду. Со временем она оттаяла и даже шутила. Откровенничала: «Видела, как верующие, входя в публичный дом, снимают кипу, словно тогда Бог проворонит грех». Но больше всего поражал её наш родной патриотизм. Слышишь, Надав? Время от времени, «фирма» объявляла о скидках для солдат. В такие недели Линде было не до шуток. Даже ходить не могла. Юные воины ненасытны, как шакалы в засуху и, дорвавшись до женского тела, оставляли синяки, следы от зубов. Они не были жестоки, лишь неумелы. Наркоманы оказались страшнее детей. Последний клиент, законченный импотент, обвинил Линду в своей неспособности. Слой пудры не скрыл следов его злости. Этот недоносок обещал прийти снова. Линда попрощалась со мной, как в последний раз. Ничего не помогло. Сло-

малась. Просила оставить её в покое. Я не мог. Не мог оставить в покое... почему, знаешь? Потому что полюбил всем сердцем, полюбил так, как мать любит своего младенца, как праведник Бога, как ростовщик деньги... Ох, Надав... Она задала мне тяжёлую задачку...

Раздался хлопок. Это был лишний звук. Будто выстрелили из ствола с глушителем.

6

Оказалось, Фридман справился с двигателем. Но заглушил, чтобы не мешать нам, и отправился вздремнуть в каюту. Томер дождался, пока его спина не исчезла за дверью.

— Признаться, — попросил он, — ты ведь наведывался в квартал «красных фонарей» в Тель-Авиве?

— Приходилось... По работе, — ответил я.

— Какая разница, — вздохнул Томер, — значит, бывал, видел... На другой день я решил туда заглянуть... Грязные улицы. Замызганные фасады домов. Много огней, света, что ни шаг — «Массажный кабинет». На рекламном щите «Пусикет и К^о» голая женщина в образе каракатицы. В каждом щупальце по фаллосу, вот такому члену. В дверях охранник с шокером и дубинкой...

И тут он воскликнул воспалённо:

— Господи! Кто скажет! Надав, ты же в полиции! Большой чин! Хоть намекни! Израиль, родина! Такая тёплая страна! Миллионы верующих, государственная религия, в каждом районе десятки синагог! И эта раковая язва — бордели? Где же закон? Ведь запрещено! Что происходит с нами? Надав! Где ты? Где власть?

Я почувствовал, что не сумею ответить достоверно, слишком много сросшихся противоречий. Но постарался:

— Закон не даст их закрыть, если не доказать, что женщины попали туда нелегально или содержатся насильно. У нас запрещено сутенёрство, но любая женщина вольна делать со своим телом всё, что ей вздумается.

— Даже за деньги? — покачал головой Томер.

— Даже так, — подтвердил я, — если ею не заинтересуется налоговая служба. Представь, у тебя любовница, и в каждую встречу ты даришь ей презент — двести шекелей. У проститутки таких щедрот пару десятков в день. Кто запретит? Согласен, она не в ладах с моралью, но и законов не нарушает.

Жёлтые огни полыхнули в глазах Томера, похожие на прибрежные отсветы:

— Линда говорила, что блюстители порядка тоже лакомятся в борделях...

Тут пришёл мой черёд сыграть комическое возмущение:

— Действительно, какой ужас! Полицейский, символ законности и правопорядка, застукан в борделе...

Конечно, он воспринял сарказм, и я перешёл к активным действиям:

— Что дальше, Томер? Посещение проститутки не сочетается с корпоративной этикой? И что? Никого не выгораживаю, но взгляни на ситуацию проще. Потянуло мужчину на сладенькое, пошёл в публичный дом, выпустил пар и вернулся домой, к жене. Будет лучше, если он заведёт любовницу надолго или возьмёт женщину силой? Не потому ли государство смотрит сквозь пальцы на проституцию? Полиция не вмешивается в жизнь бардаков вовсе не из-за своей продажности. Вокруг сексбизнеса всегда крутился криминальный мир. И становился виден, как на ладони. Сутенёров часто использовали, как осведомителей. Я тебя убедил?

Томер сначала усмехнулся, сжав губы, и после ответил напрямик:

— Нет. Линда собственными глазами видела, как деньги переходят из рук «котов» в руки офицера полиции. А полицейский офицер предупредил хозяина борделя о налёте полиции...

Я поднял руки с открытыми ладонями:

— Оборотни в погонах существуют кругом, в любой стране и структуре. Их надо ловить и судить со всей строгостью закона. Парень, ты мечтаешь изжить проституцию в

нашей стране? Так это не ко мне, а в Кнессет¹⁴. Такие дела не решаются с кондачка на рыбацкой палубе.

В ответ Томер с готовностью протянул ко мне руки — так, чтобы я мог надеть ему наручники. И выдержав паузу, сказал:

— Надав, можешь арестовать меня сейчас же. Я в твоей власти. Охранник на входе попытался меня задержать. Поплатился двумя передними зубами, сломанным носом и затычным нокдауном. Хасан-бек сбежал через заднюю дверь. Линда сейчас у меня, но так продолжаться не может. В Молдавском консульстве требуют документы. Их у Линды нет. Прости меня. Ури сказал, что ты можешь помочь... Отправь Линду в Молдавию... Она соберёт дочку и вернётся. Слышишь, арестуй меня, или... помоги... Большого мне не надо, я люблю жизнь, а Линду люблю больше жизни. Наплевать, что не еврейка, пройдёт гиюр¹⁵ и поженимся...

Он умолк. Прежде, чем ответить, я постучал в дверь каюты.

— Фрид, старый стрекулист, вернись к нам, ещё не конец света...

Конечно, я не собирался обидеть давнего приятеля. Зато намекнул, что он мог бы предупредить заранее. Ведь знал, как не терплю, если меня оставили без выбора.

— Надав, где мне, пенсионеру, — принялся оправдываться Фридман, но я остановил его.

— Ури, дело в другом. Я могу помочь Линде вернуться домой. Доберётся, дальше что? Решить другую проблему не в моих силах. Мафия во всём мире едина. Подобно каракатице из борделя, она распустила щупальцы везде. Слушай, Томер, внимательно. Кто-то продал твою Линду, а кто-то купил, она чья-то собственность. Пойми, если не случится чуда, её найдут и вернут обратно, но вовсе не в качестве твоей жены.

— Помоги. Буду готовиться к любой неожиданности, — попросил Томер.

В его голосе плавилась непреклонность, и я, поколебавшись, согласился. Дал слово. Оставалось сдержать обещание.

7

Судьба преподнесла нам субботний сюрприз. Смутно мерещилась логическая цепочка. Томер натянуто улыбнулся. Я дожидался ответа. Лишнего, как писуар в дамской уборной. Ведь многое и без того прояснилось.

— Чудо? — переспросил он, повернувшись к Дане. — Вот... она... моё чудо...

Понятно, тема Линды закрыта. Интересно было бы узнать подробности. Дана храбро молчала. Значит, и её мучило любопытство. В высшей степени неучтиво оставлять её в неведении.

— Однажды мы с твоим другом ловили локуса в море, — объяснил я.

Сначала она не нашлась, что ответить. Но погода спросила:

— Вот как... Однажды... Надеюсь, это было необременительное знакомство?

Я понимал, к чему она клонит. Её всполошила причастность Томера к моему полицейскому прошлому. Всегда поражался женскому нюху. Наитию. Возможно, логике. Или отсутствию логики. Или всему вместе. Я снял очки. По привычке — если сразу не находил ответа. Куснул пластиковую дужку. Решил увильнуть от прямого ответа:

— Французы в таких случаях говорят: «Accord parfait!¹⁶»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.